

Олег Иралин

Мы из БУРа

*Рассказы
о Белгородском
уголовном розыске*

Олег Иралин
Мы из БУРа. Рассказы
о Белгородском
уголовном розыске

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28266168
ISBN 9785449012722*

Аннотация

В книге на основе имевших место событиях отражена работа Белгородского уголовного розыска послеперестроечного периода. На примере раскрытия ряда преступлений показана цена торжества закона, физические и моральные издержки, которые приходится испытывать в работе уголовного розыска. В книге рассказывается о сотрудниках, чьими нервами и усилиями сохранён покой жителей Белгорода в лихие девяностые.

Содержание

Игра теней	5
Свердловский вариант	22
Простое дежурство	61
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Мы из БУРа
Рассказы о Белгородском
уголовном розыске

Олег Иралин

© Олег Иралин, 2021

ISBN 978-5-4490-1272-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Игра теней

За окном благоухал май, уже забрезжил рассвет, и подул лёгкий ветерок, разнося окрест терпкий запах сирени. Приближалась пора, когда сон уже не столь крепок, исход ночи манит за собой предутренние сны, но миг пробуждения ещё впереди, всё вокруг упивается безмятежностью, и оттого чуткий сон особенно сладок. Шеховцову уже было не до сна. Поднятый звонком дежурного, он смотрел на наплывающий асфальт темнеющей ленты дороги, и под мерный шум уазовского двигателя слушал осипший голос водителя.

– Похоже, что обдолбанный он, товарищ полковник, не иначе. Зачем тогда ждать, пока маршрутка до города доберётся? Брал бы ту заложницу у себя в Васюках и время попусту не тратил... А вообще, Николай Павлович, я так скажу: молодёжь теперешнюю не поймёшь – то ли он трезвый идёт, то ли под кайфом! Все какие-то... И слова сразу не подберёшь, будто по башке навёрнутые! Идёт такое чучело, спотыкается на ходу, зато никогда не угадаешь, что он через минуту выкинет! У меня дочь подрастает – с кем девчонке судьбу связывать?

Прапорщик ещё продолжал сокрушаться, рассуждая о молодёжи, но мысли полковника уже текли в другом русле. «Дочь ... – с нахлынувшей нежностью подумал он – И не заметил, как выросла... Приходишь – спит, утром повидеашь-

ся за завтраком и снова до следующего утра!» Такая служба в уголовном розыске – её принимаешь такой, какая она есть... или не принимаешь вовсе. Николай Павлович ушёл в розыск по окончании юридического, и однажды, окунувшись в эту бурную стихию, так и остался в ней, свыкнувшись с постоянным поиском информации, очевидцев и преступников, нервотрёпке на различного уровня совещаниях, и абсолютным неведением того, какой сюрприз преподнесёт тебе завтрашний день. Даже теперь, уже в должности начальника криминальной милиции УВД города, он продолжал жить в прежнем ритме. Лёгкая седина чуть посеребрила виски, но подтянутая фигура и лёгкость в общении, в глазах окружающих молодили полковника лет на десять, что его, по большому счёту, вовсе не заботило.

Милицейский УАЗ, потряхивая на ухабах, наконец, подкатил к автовокзалу, и вот взору открылась вся панорама развернувшегося действия. Николай Павлович вышел из машины, и к нему тут же заторопился дежурный опер. Он отделился от группы топтавшихся на месте представителей других служб и, торопясь стал докладывать. В сущности, ничего нового Щеховцов для себя не почерпнул – примерно тоже самое ему по телефону сообщил дежурный по Управлению. Картина вырисовывалась довольно удручающая: какой-то пассажир пригородной маршрутки, без всяких видимых причин, вдруг приставил нож к горлу сидевшей рядом девушки и объявил её своей заложницей. На удерживаемой

девушке форма курсанта школы милиции, но похоже, что новоявленному террористу совершенно безразлично, к чьему горлу приставлять нож – девушки, старухи, прядильщицы или милиционера. Граждане, покинувшие место происшествия в спешном порядке, ничего нового о мотивах преступника не сообщили и на расспросы милиционеров лишь удивлённо пожимали плечами.

– Ехали себе спокойно всю дорогу, этот парень молчал, носом клевал... – давала показания дородная тётка – А как в город въехали – проснулся, занервничал, едва на месте сидел. Когда уже вокзал показался, глядь – а у него нож в руке! Девчонку, что рядом сидела, за волосы схватил и заорал, как блаженный: «Заложница у меня, заложница!»

– Ну а девушка что? – спросил участковый, второпях записывая услышанное, положив папку с листом на капот дежурного автомобиля.

– Что девушка ... – вздохнула толстуха – Ей то что остаётся, когда нож в горло упирается! Молчит себе... Пойдите! Точно, она сначала по имени его назвала. Мол, что делаешь, придурок, посадят же снова!

Щеховцов задержался на минуту у отделовской машины, прислушиваясь к опросу, но его отвлёк подошедший командир группы СОБР. Отделившись от группы одетых в камуфляж и маски бойцов, он представился и каким-то будничным тоном спросил:

– Когда штурмовать будем?

Николай Павлович медлил с ответом, глядя в глаза стоящего перед ним мужчины. Одного с ним роста, сложением скорее худощавого, нежели атлетического, тот застыл, в свою очередь не отводя взгляда. От всей фигуры его веяло спокойствием, и лишь глаза, несмотря на утренние сумерки, выдавали плохо скрываемое волнение. «Всё он понимает, этот парень...» – подумал Шеховцов, прислушиваясь к нарастающему где-то в глубине груди гнетущему чувству. Оба они, и полковник, и командир собровцев, прекрасно знали, что действительность – не красочный боевик, где спецназ эффектно врывается в логово ожидающих их террористов и голыми руками, играючись, расправляется с вооружёнными злодеями, освобождая заложников без единой царапины. Оба они сознавали, что при первых же секундах штурма приставленный к девушке нож, скорее всего, погрузится в податливую мякоть плоти, и тогда наступит то, что никакими усилиями не изменишь! Вместе с тем собровец отдавал себе отчёт и в том, что засевший в маршрутке преступник находится в полном неадеквате, что, скорее всего, никакими переговорами здесь не помочь и, рано или поздно, заниматься сегодняшним клиентом «доверят» именно им. Командир уже принял предстоящий штурм как неизбежность и был готов к нему. Ему хотелось поскорее закончить с этим выматывающим душу топтанием рядом с упивающимся своей властью недоумком, приступить к решительным действиям, пока на их стороне ещё были редущие с каждой мину-

той сумерки.

Щеховцов на мгновение отвёл взгляд. Конечно, проще всего отдать приказ и сделать шаг в сторону, но вся загвоздка в том, что к этим самым упрощениям он никогда склонности не испытывал!

Нож в руке преступника... Когда-то ему уже пришлось встретиться с вооружённым преступником. Правда, о наличии ножа ему ничего известно не было. Тогда он, ещё только начинающий милицейскую карьеру опер, служил в одном из районных центров. Вечером в дежурную часть поступило сообщение из Дворца культуры – хулиганят на дискотеке. Дежурный участковый был занят на семейном вызове, с ним же и наряд пэпээс, поэтому идти пришлось ему – заступившему в оперативную группу оперу. «Здесь рядом, в двух шагах. – напутствовал дежурный по отделу – Скорее всего, ничего серьёзного, но я на всякий случай наряд вышлю, как только он с семейного освободится». Среди несмолкаемого грохота музыки и дёргающимся ей в такт телам, явным диссонансом выглядела группа молодёжи в центре зала. Несколько фигур замерли на месте, но двое парней в неуёмном самовыражении усиленно надрывали глотки, успевая при этом обозначать замахи и прочие, не приветствуемые в солидном обществе жесты. Сложно, очень сложно действовать в толпе, когда ограничена видимость, вокруг сутолока, и ты не имеешь никакого представления о том, сколько перед тобой не только успевших заявить о себе хулиганов, но и их

дружков, готовых поддержать их при развитии событий.

– Вон они, эти двое! – ткнула пальцем звонившая в де-
журку девушка, и тут же поспешила раствориться в толпе.

Шеховцов пошёл, тесня с пути увлѣкшихся танцем лю-
дей, и вскоре приблизился вплотную к «виновникам торже-
ства». Один – парень лет двадцати пяти и довольно креп-
кого сложения, уже успел мѣртвой хваткой вцепиться в ру-
башку худенького пацана, по виду вчерашнего школьника.
Рядом визжала девчонка, в свою очередь повисшая на руке
второго, рвавшегося в бой бойца. Боец этот по виду уступал
первому в массе, и вообще сложение имел скорее сублиль-
ное. Несмотря на данное обстоятельство, свой недостаток он
компенсировал такой активностью, что промедли Николай
ещѣ мгновение, и общение обеих сторон перешло бы в пол-
ный контакт. В этом грохоте он не стал тратить время на уяс-
нение ситуации. Ткнув раскрытым удостоверением крепы-
шу, опер взмахнул рукой в сторону выхода. Тот с видимой
неохотой выпустил из рук свою жертву и, словно не поняв
жеста, повернулся в противоположную сторону. Повторять
приглашение Николай не стал. Он ухватил обтягивающий
бычью шею ворот и с силой рванул на себя и вверх. Бычок
на секунду завис в воздухе и шмякнулся об пол, выпучив
глаза не столько от боли, сколько от удивления. Шеховцов
не дал ему опомниться. Когда он, развернув тело оппонента,
заломил перехваченную в запястье руку, парень заорал чѣт-
ко различимые маты, но орал недолго – лёгкий нажим на за-

ведённую за спину конечность отбил охоту к сквернословию мгновенно. Только сейчас, приняв в заботливые руки дебошира, опер вспомнил, что совершенно упустил из вида второго, но тот стоял с отвисшей челюстью, в явном замешательстве. В том же состоянии пребывала и девушка, по инерции ещё удерживающая неподвижный локоть недавнего активиста. Не мешкая, Николай вытащил уже не сопротивляющегося парня на улицу, заодно прихватив и школяра. Как и ожидалось, второй соучастник не пожелал оставаться в зале наедине с толпой, и послушно проследовал к выходу. Выяснилось, что оба нарушителя – братья с разницей в пару лет. Оба успели привлечь к уголовной ответственности, но отсидеть успел только старший. Вторым, тот, что полегче, отделался условным наказанием, то есть лёгким испугом. Сегодня, слегка «приняв на грудь», братья пошли искать приключений, и, разумеется, начали с дискотеки.

– За что, за что ты нас вывел?! – орал пришедший в себя старший – Что мы сделали?!

Ему вторил младший и страсти стали накаляться вновь. Действительно, ничего, что подпадало под действие уголовного кодекса, братья совершить не успели, хотя административный по ним буквально плакал. Но Шеховцов не стал баловать местных люмпенов и без того очевидными для них пояснениями. Он молча стоял в ожидании обещанного экипажа ППС и гадал, через какое именно время эти горлопаны созреют для рывка. Наконец его размышления прервал

гул двигателя и вот, переваливаясь на ухабах, перед ними во всей своей милицейской красе предстал патрульный автомобиль. «Как кстати!» – облегчённо подумал опер, разглядывая вмиг осунувшиеся физиономии задержанных.

Уже в отделе он составил протокол, отобрал у нарушителей объяснения и отнёс их дежурному.

– Отпускай! – распорядился капитан, окинув взглядом оформленные документы – Выходной, клетка и так от этих идиотов ломится. Вставь им... пистон и вызывай на утро!

Зазвонил телефон и дежурный отвлёкся, принимая очередную вызов, но опер дожидаться окончания разговора не стал. Всё было понятно и так. Правда, с пистоном были явные сложности в виду хронического тугоумия доставленных. Всем своим видом они словно продолжали кричать: «Что ты на нас время тратишь, мент! Ну, попались в этот раз, так в другой своё возьмём!» И Шеховцов, не особенно рассчитывая на внимание аудитории, произнёс речь, но скорее так, для проформы. Он напомнил, что живём мы не в джунглях Африки, что в пределах Белгородщины, как и всего Союза, действует Закон, и что поспей он минутой позже, ждали бы их нары не обезьянника, а того самого заведения, с которым успел уже познакомиться один из них. Надо заметить, что несмотря на все выгоды советского времени, обезбашенных субъектов хватало и тогда. Меньше их было или нет, но они были и есть! Им бесполезно что-то втолковывать в устной форме – это выше их ущербного понимания. А вот

если каждую фразу сопровождать тычком в морду или вдаваться в рассуждения над распластанным в «ласточке» преступным телом, тогда совершенно другое дело! Тогда сразу или немного погодя, но смысл сказанного раскрывается во всей своей значимости и надолго оседает в прокуренных и, как правило, проспиртованных мозгах. Или в том, что от них осталось. Конечно, Николай, несмотря на относительно малый стаж в розыске, об этой неписаной истине знал. И всё же, в силу своей прирождённой интеллигентности, он, если и отважился бы на подобное действие, то только в особом, крайнем случае. В каком именно – он и сам не представлял, но уж точно не в этом. Итак, он добросовестно растолковал положение закона двум холодильникам и, больше не тратя драгоценного времени, выдворил их за пределы отдела. Продолжая дежурить, Шеховцов успел обслужить ещё один вызов и, уже возвращаясь с автомобильной кражи, вдруг услышал по рации: «Привокзальная площадь, грабеж!» Далее перечислялись приметы двух грабителей, по которым легко узнавались выпущенные час назад клиенты. Дежурка свернула вправо и, не заезжая в РОВД, уже через минуту застыла перед площадью. Оперативная группа в полном составе высадилась и, не медля ни секунды, поспешила к вокзалу. Уже на бегу решили рассредоточиться – участковый со следователем направились в сам вокзал, а Николай, обогнув здание справа, решил проверить станцию.

Был поздний летний вечер, изрядно похолодало, но крас-

ный диск ещё не спрятался за крыши многоэтажек, и солнечные лучи достаточно освещали всё открывшееся взгляду пространство. К перрону, озабоченно пыхтя, приближался тепловоз, за ним длинной гусеницей тащился нескончаемый ряд вагонов, а на самой площадке, среди ожидающих посадки граждан, замерли две знакомые фигуры. Стараясь не спугнуть их, опер приблизился и положил руку на плечо крепыша.

– Куда собрались? – спросил он, стараясь не выпускать из поля зрения младшенького.

Шеховцов видел, как опешили оба, видел изумлённые глаза развернувшегося старшего брата и, уловив едва заметное движение его спутника, схватил обоих. Насколько смог, Николай притянул их к себе. Он ощутил, как зверьком в капкане забился тщедушный, как каменной глыбой осел на плечо крепыш и что-то ещё, похожее на несильный толчок в спину. Николай оглянулся и краем глаза успел рассмотреть перекошенное злобой лицо мужчины и блеск клинка в руке, почувствовал, как рванулись окрылённые надеждой братья, и мёртвой хваткой вцепился в их одежду. В глазах помутилось, с каждой секундой таяли силы, но он держал, держал преступников, не видя, как подоспевшие коллеги, застегнув «браслеты» на обезоруженном третьем, спешат на помощь.

Уже потом, лёжа на больничной кровати, Шеховцов узнал, что тем, так неожиданно объявившимся третьим преступником, был отец братьев, зек со стажем. И что ему, Ни-

колаю, начальством выписана премия в пятнадцать рублей и объявлена благодарность. Многие люди, надевая форму, не забывают и о наградах. Тем, кто их действительно заслужил, они напоминают о тех или иных событиях, что произошли в их судьбе. Николаю Павловичу в память о той службе досталась своя отметина. Её не одеть на китель и не снять после праздника – она навсегда красуется на спине под правой лопаткой – светлый рубец, что остался от того, кажется ещё совсем недавнего ножевого ранения.

Воспоминания пронеслись в один миг и улетучились, уступив место действительности. «Пора!» – решил полковник. Он передал оперу пистолет и повернулся к командиру группы захвата.

– Ждите! – отдал распоряжение полковник – Я с ним сам побеседую, а там видно будет.

Ещё минута, и вот он приблизился к стоящей в стороне злополучной маршрутке, открылась дверь, и в свете уличного фонаря мелькнули два силуэта.

– Ты кто по званию? – донёсся слегка осипший голос.

Николай Павлович представился и замолчал, выжидая.

– Заходи! – наконец послышалось изнутри.

Он пригнул голову и забрался в тёмный салон. Несмотря на выключенный свет, видимости было достаточно, чтобы разглядеть вспыхнувшие радостью девичьи глаза, её нависающую на брови чёлку и нервно перебирающие сумочку худенькие пальцы. А рядом, прильнув к ней всем телом, сжи-

мал нож новоявленный террорист. Сталь тускло поблёскивала, то сливаясь с темнеющим бортом, то высвечиваясь при повороте руки. Против ожиданий полковника, захватчик даже не предпринял усилий для его обыска. На короткое время в салоне установилось молчание, слышалось только натужное сопение парня. Не торопясь, Николай Павлович уселся напротив, стараясь придать телу беззаботную позу.

– Слушаю тебя. – бросил он и устремил глаза на собеседника.

Тот, находясь в явном замешательстве, мешкал, подбирая слова.

– Это ... – наконец промямлил он – Мне это самое... денег надо! Денег!

– Сколько? – как можно безразличнее спросил Шеховцов, словно невзначай качнувшись корпусом вперёд.

– Сидеть! – истошно завопил парень и повисшая было рука снова взметнулась, сверкнув клинком у самого девичьего горла.

Николай Павлович увидел, как левая тут же переместилась с худенького плеча к волосам и, погрузившись в них всей пятернёй, запрокинула голову заложницы, ещё больше открыв белеющее за воротом тело.

– Сижу! – повысил голос полковник – Ты же видишь, здесь стоять невозможно!

– Только дёрнешься, и я этой кобыле перо в глотку воткну! – сорвался на визг тот – Только дёрнись!

– Никто и не собирается. – прозвучал спокойный голос – Я ведь здесь для переговоров, не для захвата!

Как ни странно, но этот ничем не подкреплённый довод подействовал. Шеховцов за годы своей долгой службы среди прочих истин усвоил, что бог всё же создал людей разными. Одних – мыслящими, других – не очень. Если первым для убеждения необходимо выстроить логическую цепь умозаключений и закрепить их парой-другой очевидных фактов, то в отношении вторых перечисленный труд бесполезен. Общаясь с ними, не приходится вспоминать об интеллекте. У данной категории он, как и логика, отсутствует по определению. Проще всего задвинуть им какой-нибудь противоречащий себе бред и, пока их крохотное сознание пребывает в лёгком смятении, впрыскивать или добывать необходимую информацию.

– Ну и что ты за этот нож схватился? – с лёгкой укоризной продолжил Шеховцов – Зачем он тебе? Девчонке ты и так голыми руками шею свернёшь, я тоже не спецназовец – как-никак, вдвое старше! Кого тебе бояться?

– Кому бояться, мне?! – в показном гневе вскипел парень – Да я и её, и тебя покрошу! Ты понял, мент, понял меня?!

Полковник молчал, ожидая, когда этот недоносок выговорится.

– Насколько я помню, ты меня для разговора позвал? – напомнил он, когда словарный запас его собеседника иссяк.

– Так это... Ну да! Совсем ты мне мозги... высушил, конкретно! Ты что, типа умный, да?! Я сейчас... Вы не знаете меня! Мне реально ничего не стоит здесь... Ты понял?!

Николай Павлович кивнул, хотя в этом монологе сказал бы ногу кто угодно. Он обратил внимание, что рука с ножом снова отдалилась от горла и, выписав в воздухе зигзаг, замерла где-то у бока заложницы. Она погрузилась в тень, скрыв вместе с собой и сталь, что Шеховцова весьма озадачило – он перестал контролировать нож и нервы напряглись до предела. Нет, он вовсе не думал о себе, хотя мерцающий в темноте клинок то и дело напоминал ему о том, давнем своём ранении. Сейчас Николай Павлович желал одного, всей душой желал, чтобы сидящая напротив девушка осталась жива. Больше того – чтобы вышла из этой несчастной маршрутки без единой царапины, но для этого остался один путь – заблокировать того урода, что сейчас сидит напротив и гримасничает, сжимая смертельную сталь. Сложно, очень сложно, глядя в глаза преступнику, не упускать из вида его оружие, особенно, когда сам он скрыт полутьмой. Шеховцов продолжил слушать, ловя обрывки фраз и вставляя свои, всем видом выражая внимание и заинтересованность, но внутренне весь напрягся натянутой струной. «Вот сейчас!» – вспыхнуло в сознании. Стопа едва заметно скользнула вперед, и корпус склонился, перенося центр тяжести к ней. Подскочить, выпростать руку и плечом закрыть девочку, а там... В это мгновение локоть парня опустился, от-

крыв прижатый к девичьей груди нож. Полковник тут-же обмяк. «Просмотрел! Проклятая темнота!» Сейчас всё шло не в его пользу – и неверный свет, и отбрасываемые им тени, что удлинляли, а то и вовсе скрывали руки преступника. Они исчезали в одном месте и через секунду проявлялись в другом, рядом с первым, но уже не там, куда намечался бросок. Несколько раз полковник едва не шёл на захват, и столько же замирал, обнаружив, что блеснувший в тени клинок объявился совсем в ином, неожиданном и таком опасном для заложницы месте! К счастью, для самого террориста приготовления полковника остались не замеченными. Он слишком увлёкся упоением властью, тем, что его внимательно слушают перепуганная им девушка и этот, во всём идущий в поводу начальник. Такого никогда с ним не бывало! Он понятия не имел, что именно делать дальше, но по новостям и фильмам знал, что такое часто случается и, раз уж на это идут, то у кого-то всё-таки выгорает! А чем он хуже других!

– Ты это, полковник! ... Ты бабки гони! Нечего здесь воздуху гнать! – по урочьи гнусаво выкрикнул парень, наконец вспомнив о предмете разговора.

Николай Павлович мимоходом улыбнулся девушке и успокаивающе, еле заметно кивнул. Затем, пристально глядя в лицо преступнику, спросил:

– Сколько?

Стало очевидно, что этот вполне логичный вопрос застал

оппонента врасплох. Террорист замялся и, весь сосредоточившись на мыслительном процессе, совершенно позабыл о ноже. Рука вяло опустилась к его же бедру, и Шеховцов бросился вперёд. Как ни странно, его опередили. До сих пор беззвучно сидевшая девушка всё с тем же молчанием схватилась за запястье своего неприятного соседа и стала оседать на нём всем весом своего хрупкого, но достаточно тяжёлого тела. В тот же миг поверх девичьих пальцев легла мужская ладонь и крепко сжала, захватывая их вместе с вооружённой рукой. Шеховцов не стал бить локтем в лицо. Нет, вовсе не затем, чтобы представить народу физиономию этого идиота во всей своей первозданности. Просто он опасался, что при неверном освещении просчитается в положении головы и удар придётся выше или вскользь, что в решающие секунды было недопустимым. Он заранее ударил ниже и наверняка. Локоть, описав дугу наружу, на полном ходу вдавился в горло обескураженного парня, и через секунду так досаждавший металл уютно улёгся в руке Николая Павловича.

Уже совсем рассвело. Подул свежий ветерок, и молодая листва всколыхнулась, взбудоражив воробьиную стайку. Редкие лужи, словно кусочки неба, белели на сером асфальте, а вокруг буйствовала весна. Николай Павлович родился в этот месяц и, как и все майские, особенно любил это время. Время, когда солнце ласкает теплом, радуя глаз волнами яркого света, когда природа словно вспыхивает, а де-

ревья, полностью укрывшись изумрудной листвой, разносят окрест запахи сирени и бог весть ещё какие, что кружат голову и рожают надежды. Шеховцов отправил водителя и шёл, наслаждаясь утром. Он вполне успевал к планёрке и потому не спешил. В запасе оставался целый час, а потом – наполненная привычными хлопотами работа. Уже в полную силу засновал транспорт, и улица наполнилась торопливыми прохожими. Родной город пробудился, вокруг снова закипела жизнь.

Свердловский вариант

Полным ходом шли девяностые. Остатки некогда могущественной страны подминались криминалом разной масти, и лишь немногие регионы оказались способными противостоять активизировавшейся уголовщине. Белгород, как и прежде, жил своей жизнью. Конечно, теперь уже другой, очень трудной или напротив, открывающей массу перспектив, демократической, но с той же уверенностью в торжество закона, как и при недавних коммунистах. Местная милиция территориально была разделена надвое. Первая половина в лице Свердловского районного отдела внутренних дел, отвечала за население, проживающее в одноимённом районе. Вторая – сотрудники Октябрьского РОВД – за население Октябрьского. К слову заметить, несмотря на численность горожан, достигающую нескольких сотен тысяч, сами по себе эти отделы имели штаты довольно скудные – ещё по советским нормам. В каждом из них, наряду с дежурной частью, в наличии имелся десяток участковых, десяток следователей, столько же дознавателей, сотрудиц инспекции по делам несовершеннолетних, административной практики и, естественно, отделение уголовного розыска. Именно оно составляло тогда, равно как и сейчас, основу любого территориального отдела, с той только разницей, что насчитывало всего двенадцать человек. Эти двенадцать своими труда-

ми удерживали преступность в своей половине города, причём на том уровне, который от предперестроечного серьёзно не отличался. Вот в это самое отделение сейчас, в троллейбусе пятого маршрута, и направлялся бывший кадровый армейский офицер Глеб Велиев. В свои двадцать пять он, благодаря своей худобе, выглядел гораздо моложе, так что многие, глядя со стороны, принимали его за демобилизованного бойца – срочника. И лишь взглядевшись в внимательные карие глаза, меняли своё мнение. Велиев, будучи по натуре эмоционален, внешне не спешил обнаруживать свои чувства перед собеседником. Он умел выслушивать, умел взвешивать слова, и всё это на фоне довольно малого опыта гражданской жизни. Глеб вырос в Белгороде. Отец его – природный казах, служивший помощником прокурора на родном Урале, с рождением сына с семьёй переехал на Родину жены, и осел в областном центре. Мать – школьная учительница, проработав в Белгороде пять лет, скончалась от болезни. Не прошло и года, как отец привёл в дом другую женщину и создал новую ячейку общества, в которой первенцу отводилась роль досадного приложения, так что учить житейской мудрости его было некому. В этом смысле наставниками послужили родное артиллерийское училище и Армия. Больше всего запомнился преподаватель тактики. Подполковник Сладков – всегда подтянутый и щеголеватый офицер, на одном из занятий изрёк: «Хороший офицер всегда должен оценивать обстановку и принимать решение молниенос-

но. Некоторые в ходе боя впадают в ступор или переключают ответственность на других. По этому случаю в нашей Армии существует поговорка: „Не прав не тот, кто принял неверное решение, а тот, кто не принял его вообще!“ Но всё сказанное – для боевых действий. В службе есть ещё и такое понятие, как взаимоотношения с подчинёнными. Когда твой приказ выполнен с запозданием или неверно, когда принял неприятное высказывание на свой счёт, не спеши объявлять взыскание или отрабатывать приёмы рукопашного боя. Настоящий офицер выждет, когда схлынут эмоции. Вот тогда, на холодную голову, и принимаются решения! Не раньше!»

Со временем Велиев заметил, что этому принципу следуют многие: командир его учебной батареи, ряд самих преподавателей, а впоследствии видел то же в своих сослуживцах – армейских офицерах. Ещё будучи курсантом, он впитал это правило, но теперь, оказавшись «на гражданке» по сокращению штатов, с удивлением заметил, что здесь оно мешает. Несмотря на то, что в последние годы на Армию с телеэкранов и печатных страниц вылились тонны грязи, она всё же оставалась на голову выше тогдашнего общества. В ней пока ещё не было той вольности в общении, маты допускались только в крайних случаях, а при беседах сослуживцев и во все сводились к минимуму. Низкие поступки тоже были редкостью, так что большинство офицеров, окунувшись в гражданскую среду, зачастую просто «тормозили», не находясь, как себя вести в ту или иную минуту. Вот и Велиев, в бит-

ком набитом троллейбусе, с минуту-другую терялся в сомнениях – урезонивать матершинников, обозначившихся в толпе пассажиров, сейчас, или выждать, когда успокоятся сами. Теснящееся вокруг множество мужчин и женщин с безразличием зависало на поручнях или восседало у окон, отводя глаза в сторону и невольно создавалось впечатление, что всё, что творится вокруг, давно уже принято среди людей и возникать с замечаниями по меньшей мере не уместно. Те двое – с татуированными руками, горланя в полный голос, переключились на стоявшую рядом девушку.

– Слышь, чува, давай ко мне на колени! – весь оскалившись в сальной ухмылке, прогнусавил мужик, сидевший поближе.

Второй нервно захохотал, поедая объект внимания масляными глазками.

– Чего отвернулась, коза, к тебе обращаются! – продолжил первый с нотками раздражения – Или что, не по нраву? Смотри Санёк – фифа какая!

Глеб решил всё же не дожидаться своей остановки. Он молча стал продвигаться в направлении оратора, протискиваясь сквозь плотные ряды тел.

– Нам пора, Колян! Пошли, а то пропустим – раздался голос второго.

– Куда пошли? Я без этой тёлки не встану! А ну прыгай на колени, сучка!

По толпе прошёл ропот, но тут же стих. Велиев уже был

близок к цели, когда перед ним возникла спина поднявшегося с места мужчины. Он тоже стал пробираться вперёд толи к выходу, толи поближе к расписным. В любом случае их опередили. Чуть в стороне раздался возмущённый женский голос:

– Не пора ли закончить? Среди людей всё-таки! Что вы себе позволяете?!

Троллейбус притормозил и все подались вперёд, разом загомонив. Когда гомон стих, явственно прозвучало:

– Да идём же, Колян! Не связывайся, здесь город красный!

Колян не возражал и урки под нарастающий гнев пассажиров поспешили выскочить на ближайшей остановке. Глеб с некоторым усилием выбрался из битком забитого салона и бросил взгляд вслед удаляющимся уркам. Его путь лежал в противоположную сторону, и, свернув за угол ближайшей двухэтажки, молодой человек зашагал по ведущей под уклон улице. Ещё через пятнадцать минут он вошёл в распахнутую настежь дверь и с яркого, переполнившего воздух июльского солнца, очутился в темноте коридора. Через несколько шагов глаза привыкли к контрасту в освещении. Он свернул за угол, миновал распахнутую дверь и оказался перед дежурной частью.

– К кому? – спросил капитан, склонившись к окошку.

– В угро – ответил Глеб и протянул предписание.

Капитан мельком взглянул на документ и кивнул в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

– Розыск там!

Велиев сразу отметил это непривычное для слуха «розыск». Чуть позже он понял, что известная широкой публике абвеатура «угро» осталась в далёком прошлом, и в настоящее время упоминается в детективах, кино, кем угодно, только не самими операми. Молодой человек поднялся по лестнице и перед ним, во всю ширину стены, предстал красочный плакат. На нём мужчина в форме, светя фонариком, вглядывался в отпечаток обуви. Внизу крупными буквами выделялась надпись: «Уголовный розыск – передний край борьбы с преступностью!» «Причём здесь эксперт-криминалист?» – удивился Велиев, но сама надпись впечатляла и, несмотря на только ещё предстоящее оформление в соответствующей должности, вызвала чувство гордости за избранную профессию. Нет, нельзя было утверждать, что в отдел вошёл абсолютно несведущий в розыском деле человек. За плечами Глеба, помимо армейской службы, был год учёбы на высших курсах по подготовке оперативного состава. В городе на Неве его и сотню таких же, уже имеющих высшее образование парней, обстоятельно обучили оперативной работе, криминалистике, уголовному процессу и праву, тактике проведения задержаний, обысков, допросов и масса других премудростей, необходимых в работе сотрудника уголовного розыска. Но всё это была теория, а впереди ждала практика. Глеб, преисполненный некоторым волнением, миновал длинный коридор с дверями по обеим сторонам,

и в самом конце его нашёл табличку с надписью: «Толстопятов Владимир Алексеевич. Начальник уголовного розыска». Он вошёл в кабинет и представился белесому, низкорослому, но крепкого сложения мужчине. Владимир Алексеевич был из начальников того склада, который сегодня принято называть демократическим. Ни один его подчинённый никогда не слышал от него обидного слова, но при всей своей интеллигентности он умел находить такие слова, которые оспаривать никто не торопился. Будучи мастером спорта по рукопашному бою, он сам проводил занятия в спортивные дни и, несмотря на полную загруженность, старался поддерживать форму, справедливо ожидая того же от своих оперов. Владимир Алексеевич явно торопился. Наверное, поэтому он не стал задавать лишние вопросы и, ограничившись общепринятыми, вызвал к себе высокого мужчину с живым взглядом светлых глаз.

– Свистильников Александр Борисович, майор милиции, старший оперуполномоченный по линии квартирных краж! – представил его начальник и, уже обращаясь непосредственно к самому мужчине, продолжил – Ну что, дождался ты наконец штатной единицы, теперь у тебя группа. Так что забирай напарника!

И, глядя уже вдогонку выходящим из кабинета операм, крикнул:

– Да, оформлю тебя наставником, поднатаскай парня!

В своём кабинете Свистильников усадил прибывшего

за стол и, после нескольких фраз, перешёл непосредственно к работе.

– У нас вся территория разделена на зоны, за каждой закреплён опер. Он разбирается со всем, что на его земле происходит. Но есть ещё и линии: убийства и прочие тяжкие телесные, мошенничество, наркотики, кражи транспорта и из него, ряд других и, конечно, наша. Каждую линию обслуживает отдельный опер, реже два. Некоторые линии совмещены в одном лице, но на квартирах, слава богу, никакого довеска нет. Более того, нас теперь, как и тяжких с транспортниками, двое. Теперь о клиентах. Квартирники – они же домушники, народ хитрый. Иногда действуют в одиночку, но чаще в группе с распределением ролей.

Рассказывая, Александр Борисович увлёкся и вскочил с места. Он принялся широкими шагами расхаживать по кабинету и, подбирая слова, задумался. Само помещение, в котором теперь предстояло трудиться, радовало глаз простором. Высокий потолок подпирался выкрашенными в нейтральный цвет стенами, а свет из широкого окна освещал три двухместных сейфа. Они стояли в углах, всем видом напоминая всякому вошедшему о казённости учреждения, и вкупе с тёмно-коричневыми столами и голыми, без единой картины, стенами, создавали соответствующий настрой.

– Так вот ... – продолжал Свистильников, произведя разворот от окна – квартирники! Пока один вскрывает замок или двери, другие стоят на шухере. Предварительно оклеи-

вают дверные глазки или принимают другие меры, короче – подстраховываются. Строение и виды замков изучали?

Глеб кивнул. Многое из услышанного ему уже было известно от преподавателей, но он не перебивал, слушая с неподдельным вниманием. Сейчас, когда Свистильников приблизился к окну, бросилась в глаза его лёгкая сутуловатость. Он, обладая довольно стройным сложением, как и многие высокие люди, стеснялся своего роста в детстве, и невольно приобрёл эту особенность.

– Обычно, прежде чем идти на дело, они собирают информацию. Мало того, что по наводке идут, так ещё и наблюдение на пару дней установят, почту проверят и всё такое. Ну а потом уже...

Наставник подробно перечислил способы взлома замков и дверей, уже известных Велиеву, и перешёл к самому ходовому инструменту.

– На первом месте у них, конечно, фомка. Это не тот гвоздодёр, что показывают по телику. Фомка – инструмент индивидуальный и заказывается вором под свою руку. Главное условие – изгиб лебединой шеи и длина. Она должна быть от локтя до ладони, чтобы хозяин вполне мог поместить её в рукав. Кстати, при случае очень эффективное оружие!

– Что, и на мокруху пойдут?

– Нет, навряд ли! – махнул рукой старший опер – Квартирники – интеллигенция преступного мира. Они не только руками – ещё и мозгами работают. Зато их колоть сложно.

Это тебе не гоп-стопники – нашим улики подавай и всё такое прочее! Пока на их след выйдешь, удержишь да показаний добьешься ...! Есть у нас некоторые из начальников... Считают, что преступление раскрыть – всё равно, что штамповки с конвейера снимать!

Свистильников сел за стол. Его руки стали беспокойно перебирать листы, но скоро он справился с охватившим его волнением и продолжил уже спокойнее.

– Кстати, нас, свердловчан, сами же преступники интеллектуалами зовут. Вы, говорят, не молотобойцы, к стенке доводами припираете. А вообще у нас в розыске коллектив хороший подобрался, скоро сам со всеми познакомишься. Меня можешь по отчеству звать, не возражаю.

Свистильников был старше Велиева лет на десять, но вызывал такое уважение, что он не спешил воспользоваться предложением наставника. Видя, что тот с вводной информацией закончил, Глеб решил озвучить давно вертевшийся на языке вопрос.

– Александр Борисович, а что значит – красный город? – спросил он, вспомнив сегодняшний случай – Что, все жители в коммунистах?

Свистильников впервые улыбнулся.

– Не в коммунистах дело. На жаргоне красный – город, где всё контролирует милиция и администрация. Словом, законная власть. Вот наш Белгород – в числе таких.

Звучно затрезвонил телефон, и Свистильников снял труб-

ку.

– Выхожу. – сказал он и повернулся к напарнику – Я сегодня на сутках, до ночи со мной покатаешься. Сейчас выезжаем – в Ячнево гараж вскрыли.

За сегодняшний день Велиев дважды услышал доселе незнакомые ему профессиональные милицейские термины. В Армии понятие «дежурить» заменялось такими синонимами, как «заступить в наряд» или «быть в карауле». Здесь, заступая в суточное дежурство, говорили коротко: «Я на сутках».

Опера спустились во двор отдела и сели в дежурный УАЗ. Им пришлось немного подождать следователя с экспертом, но вот оба запаздывающих милиционера наконец объявились, и машина тронулась. Позднее, через многие годы, Глеб будет вспоминать этот свой первый выезд на преступление – неспешнодвигающийся автомобиль, яркое, но совсем не палющее солнце, придорожную пыль и ощущение той лёгкости, что присутствует во всём теле, когда ты молод, полон сил и снова занят тем, чем всегда занимались мужчины – службой своему народу и Отечеству. А сейчас Глеб в нетерпении взирал на сменяющие друг друга картины городской жизни, желая как можно скорее приступить к делу. И вот настала та минута, когда машина свернула в гаражный массив и остановилась. Члены оперативно-следственной группы, не торопясь, стали выбираться наружу. Первым со своим чемоданом вышел эксперт. За ним последовали остальные, и через ми-

нуту УАЗ, поскрипывая на ухабах, скрылся за поворотом.

– За собакой поехал. Ждём. – пояснил Свистильников, уловив взгляд Глеба – Вообще-то она здесь бесполезна – полдня прошло, все следы затоптали, а главное – изъездили.

– Тогда зачем...

– Собака то? Установка такая – на каждую кражу вези пса из питомника.

Питомник располагался аж в Красном, и забирать собак приходилось, наматывая лишние километры, но приказ – он и в милиции приказ, его приходилось исполнять. С минуту группа топталась на месте, не спеша к вскрытому гаражу.

– Где же потерпевший? – без намёка на досаду произнёс старший опер – Где он шарится!

Словно услышав его вопрос, из-за ряда гаражей вынырнула фигура мужчины. Неспешной походкой он приблизился к ожидавшим его сотрудникам и спросил:

– Милиция?

Вопрос не вызвал удивления. Оба опера, как и полагалось, были облачены в гражданскую одежду, что до эксперта и следователя, то те погонями себя тоже не обременяли.

– Я по соседним гаражам прошёлся. Поспрашивал – может, видели чего. – сообщил заявитель – Выглядываю – стоит кто-то. Была бы форма – раньше подошёл.

– Может, ещё и строевым пошагать! – возмутился эксперт, заранее предполагая, что при сложившихся обстоятельствах никто с ним спорить не будет.

– Да, сейчас одевать форму никто не торопится. – постарался смягчить ситуацию Свистильников – Вот раньше, было время, всех, кто на сутках, в форме заступать заставляли.

– И оперов? – уточнил Велиев.

– Нет, мы сами одевали. Тогда решили, что с преступностью почти покончено, и оружие у всех отобрали. Даже в группу без него заступали. Приходилось хотя бы так подстраховываться. Некоторые ещё и ножи столовые в карман прихватывали.

Они ещё подождали, лениво перебрасываясь фразами, пока не возвратился дежурный автомобиль. Его дверь открылась и на землю ступил кинолог. Следом за ним выпрыгнула красавица овчарка. Она, словно чувствуя возложенную на неё ответственность, деловито покрутилась у распахнутых ворот гаража, и решительно потянула своего хозяина вдоль дороги.

– Пройдись с ним! – кивнул в сторону кинолога Свистильников, и Велиев заторопился вслед.

Идти пришлось недолго. Пси́на, то и дело останавливаясь, проследовала ещё метров пятьдесят и, покрутившись на месте, села как вкопанная, с видимым безразличием обозревая окрестности.

– Удивительно, что ещё столько пробежала, – прокомментировал её действия сержант – вон сколько машин проехало, а для неё вся эта гарь – что нафталин для моли!

Не солоно хлебавши, они вернулись к месту происше-

ствия. Группа трудилась вовсю: следовательно, то и дело поправляя очки, уже заполнил «шапку» протокола осмотра, и вписывал данные приведённых старшим опером понятых. У измазанной порошком двери корпел эксперт-криминалист, а чуть в стороне приступил к письменному опросу заявителя сам Свистильников. Глеб прошёлся по гаражам, опрашивая тех, кого удалось застать, но никакой заслуживающей внимания информации не получил. Никакой зацепки, ничего, что помогло бы ухватиться в раскрытии кражи «жигулёнка», в тот день опера не добыли. Шла обычная рутинная работа, присущая большинству таких событий, и Велиев, несмотря на свой первый выезд на место преступления, конечно сознавал, что так и должно быть. Он понимал, что здесь не кино, а самая что ни на есть реальная действительность, что каждому раскрытию предшествует кропотливый труд, что удача с первых шагов, наверное, случается, но далеко не всегда.

Ещё через час группа в полном составе уже работала на Песках – частном секторе, растянувшемся за железнодорожным вокзалом аж до самой окраины города. Выехали на кражу из дома. С первого взгляда стало понятно, что действовал форточник. Похитили немного – самое ценное: кроме нескольких десятков рублей, вынесли подержанный магнитофон и кое-что из ювелирных изделий. На месте преступления злодеи оставили пару отпечатков рук, но все они оказались смазанными, оставленными в динамике и, следова-

тельно, к идентификации совершенно не пригодными. Кража была совершена в наглухо – белым днём, в отсутствии хозяев и ближайших соседей. Работа оперов с жителями других домов никаких полезных сведений не дала, равно как и применение Найды – уже знакомой по предыдущему выезду овчарки. Казалось, что и в этот раз вся работа сотрудников уголовного розыска закончится лишь необходимыми действиями, но Свистильников не торопился ставить точку. Теперь это был его профиль, направление, в котором он набил руку так, как, пожалуй, никто другой в Белгороде.

– Давай-ка проедемся. – бросил он Глебу – Здесь недалеко.

Уже в машине, на ходу, Александр Борисович уточнил:

– Живёт здесь поблизости один, брал на подобном. Срок уже отмотал – месяц как от хозяина. Конечно, не факт ..., но отработать надо: не сам, так знать может.

Насколько успел заметить Глеб, Александр Борисович предпочитал развёрнутые и законченные фразы, но сейчас выражался отрывисто, в глазах отразилось ожидание, и весь он подобрался, словно боец перед атакой.

– Здесь останови! – сказал водителю майор и, уже обращаясь к Велиеву, продолжил – Немного пройдемся, а то клиент от машины сквозанёт.

Опера пошлись вдоль высоких, в человеческий рост заборов, перемежающихся штакетником с зарослями цветов за ним, и вскоре оказались у неказистого, в два окна до-

ма. Глеб окинул взглядом пошкарябанные, давно не крашеные оконные рамы и всмотрелся в неподвижные занавески. Справа раздался грохот. Это Свистильников, оставаясь вне пределов видимости, забарабанил в прибитый к забору почтовый ящик. Но, несмотря на его старания, никто не отозвался. Они выждали ещё немного и прошли дальше к сидевшему поодаль деду. Тот, привалившись к забору, лузгал семечки, закрывая обширным сидалищем половину небольшой и грубо сколоченной скамейки. Он с интересом наблюдал на потуги незнакомцев, но по мере их приближения одутловатое лицо его приобретало всё более безразличный вид. Когда опера поравнялись с ним, дед и вовсе отвернулся, равнодушно взирая куда-то в сторону. Свистильников поздоровался и, словно нехотя, с таким же напускным безразличием спросил:

– А Колька куда делся?

– Какой Колька? – округлил глаза собеседник, хотя прекрасно видел, в какую дверь только что стучались мужчины.

Свистильников уточнил, и дед пожал плечами.

– Мне откуда знать! Что я, живу с ним!

И, видя, что других вопросов не дожидаться, уже вслед крикнул:

– А вам он зачем? Может, передать что?

– Не надо, – обернулся старший опер – мы ещё зайдём.

Они прошли дальше и свернули в переулок.

– Здесь магазинчик, а за ним местечко укромное, эта шу-

шера там часто ошивается. Да, кстати, когда кого-то разыскиваешь, не спеши представляться или какие подробности сообщать. Люди, конечно, всякие бывают, но карты раскрывать не следует: где гарантия, что он тут-же всю информацию разыскиваемому не сольёт?

Они уже приблизились к магазинчику, и у самого порога столкнулись с приземистым, обросшим нестриженной шевелюрой парнем. Рука его сжимала пакет, содержимое которого её вовсе не отягощало, но занимало изрядный объём. Сви-стильников заботливо взял парня под свободную руку и почти доброжелательно произнёс:

– Пойдём, Николай. Здесь недалеко.

Как ни странно, Николай никаких вопросов не задал. Он только взглянул на застывшего по другую сторону Велиева и понурил голову.

Буквально через полчаса опера уже приступили к беседе с доставленным. Майор начал издалека. Сперва он задал несколько вопросов, касающихся самого парня. Николай отвечал, не особенно вдаваясь в подробности. Он рассказал, когда освободился, назвал пару тех, с кем якобы поддерживает отношения, сообщил, что в данное время пока не работает и кое-что ещё, к самому поводу беседы с ним, на первый взгляд, не имеющее никакого отношения. За всё время разговора он со всей преданностью старательно тарачился на оперов, но в глазах его угадывалась плохо скрываемая тревога. «Может, при делах, а может, просто переживает, что

тоже понятно. – подумал Глеб – Кому такие посещения в радость!»

– Ну что, сразу рассказывать будешь, или вокруг да около походим? – наконец озвучил всеми ожидаемый вопрос Александр Борисович – Только не обольщайся, спотыкаться замучаешься!

– О чём рассказывать? – удивился Николай.

– О сказках Пушкина! Рыжьё с хаты куда заныкал? Или барыге толкнуть успел?!

– С какой хаты?

– С той, где ты пальчики оставил, идиот!

Голос Свистильникова набирал обороты, его громкость и интонация не предвещали для собеседника ничего хорошего. Глазки Николая забегали, и он замолчал в очевидном раздумье. Но старший опер не желал оставлять ему время. Форсируя события, он придвинулся к опрашиваемому почти вплотную и, зависая над ним каменной глыбой, продолжил:

– Чего морду опустил, глаза подними! Вот так. А теперь меня слушай! У тебя выход один. Отпечатки твои у нас: и с комода, где серьги с перстнем лежали, и с шкафа, из которого ты червонцы из-под белья вытащил. Плюс показания людей, которые тебя нагруженным при выходе срисовали и ещё кое что. Ты понял меня, тугодум?!

С этими словами он подхватил лежавший на столе толстенный сборник с комментариями к Уголовному Кодексу, и занёс над головой, демонстрируя его допрашиваемому.

– Или ты тяжесть закона испытать хочешь?

Николай интуитивно вжал голову в плечи, в глазах накопец-то промелькнуло подобие мысли, и он зачистил:

– Нет, я всё скажу! Был я там, был!

– С кем?! – не снижая темпа опроса, почти прокричал Свистильников.

– С Васькой Болховским! Он рыжьё забрал!

– А ты?!

– Мне кассетник достался, ну и деньги поделили.

– Водку с закуской ему нёс?

– Да, посидеть хотели, то да сё.

– У тебя?

– Нет, у него. Он тёлочку притащил, ну я и пошёл, значит. Мы сначала вдвоём хотели, а тут эти подвернулись.

– Не понял. Что, на Болховце магазины поносили? – усомнился старший опер, имея в виду пригород Белгорода, но услышал в ответ:

– Почему поносили? А ..., он не с Болховца, это фамилия у него такая! Со мной на улице живёт!

Велиев сидел, не решаясь вставить слово, понимая, что сейчас происходит не просто трёп двух прохожих – перед ним наставник только что составил беседу, следствием которой явилось раскрытие зависающего глухарём преступления. Сам Свистильников потратил ещё минут десять на уточнение обстоятельств кражи, места жительства соучастника и хранения похищенного. Занеся всё на бумагу,

он положил исписанный лист перед опрашиваемым.

– Правильно? – спросил он, когда тот закончил с чтением – Подписывай.

– Со мной что?

– Посидишь пока.

– Надолго?

– Ты прошлый раз долго отдыхал?

Парень скривился и буркнул сквозь зубы:

– Пятерик оттянул.

– Ну вот видишь, не привыкать, значит! Ладно, не колотись! Если похищенное изыдем, до суда на свободе погуляешь. А это – сам должен понимать – тебе на руку. Раз не под конвоем к судье доставят, значит, и наказание послабее. Глядишь – условным отделаешься!

– Так... это! – забеспокоился Николай – Моё всё у меня, а вот за рыжё я не отвечаю! Мало ли, может, Васька его толкнуть успел!

Свистильников поднялся и кивнул задержанному в сторону выхода.

– Пошли!

Когда он вернулся, глаза его излучали неприкрытую радость.

– Ну что, сейчас следователь его быстренько по нашему объяснению допросит, постановление на обыски вынесет и с ними к Болховскому! Главное – успеть застать. Берём его, обыск проводим и, надеюсь, возвращаемся с вещдоками!

– А если не найдём? – усомнился Глеб.

– Найдём! В противном случае, дожимать этого Ваську придётся, ну и к Николаю возвращаться тоже!

– Лихо Вы его!

– Ты про это чучело? Ну знаешь, если бы мы такие преступления не раскрывали, то какая нам цена была бы!

Свистильниковское «наше» и «мы» в меньшей степени умиляло, и Велиев едва заметно улыбнулся. Он прекрасно понимал, что его личная заслуга в этом деле минимальна, что сам Свистильников к имеющемуся результату вполне пришёл бы и без него, но возражать не стал.

Через час они выехали с постановлениями на руках. К их вящей радости, Болховского застали на месте. Тот, особенно не печалась долгому отсутствию дружка, всю занимался с девушками по запланированной программе. Собственно, девушками их можно было назвать с огромной натяжкой. По испитым и совсем не отягощённым интеллектом физиономиям затруднительно было судить о возрасте их обладательниц. Когда Велиев уточнил их паспортные данные, то был немало удивлён – вместо двадцати им можно было дать все тридцать, да и то с внушительным хвостиком! Под глазом одной из них предательски синел свежий фингал, а в ушах второй болтался презент – похищенные из дома серёжки.

С кражей опера провозились до самого вечера, попутно обслужив ещё два вызова. Они не сразу заметили, как на го-

род опустилась летняя ночь. Занятые закреплением достигнутого, они опрашивали доставленных девиц, снова и снова возвращались к участникам кражи, пока наконец не добились правдивых показаний Василия о месте нахождения так и не обнаруженного во время обысков перстня. Потом пришлось снова выезжать, но уже на Крейду, вытаскивать скупщика краденного и работать с ним, пока тот, после продолжительного разговора, не решился наконец выдать похищенное имущество, а попутно и ряд других ювелирных изделий, обстоятельства приобретения которых операм ещё предстояло выяснить. Ближе к полуночи, когда все вещдоки лежали в сейфе, Александр Борисович поднял усталые глаза.

– Давай домой. – сказал он – Тебе ещё завтра воевать. Отдыхай.

Следующим днём было не до раскрытия краж. В районе железнодорожного вокзала нашли труп мужчины с признаками насильственной смерти. Личность его пока не была установлена, равно как и тех, кто имел отношение к убийству. Через час, в ходе первоначальных мероприятий, опера располагали довольно скудной информацией о приметах возможных преступников, но только и всего. Все линии и зоны отложили свои текущие дела и занимались лишь убийством, участковые с инспекцией обходили нарезанные им участки, привлекли даже дознавателей. Словом, отдел стоял на ушах. Глеб с утра выполнял различные поручения начальства: проводил подомный и поквартирный обходы, по-

могал при доставке в отдел тех или иных лиц для допросов, но, как и большинство оперов, отработывавших довольно общие и второстепенные версии, о ходе расследования знал мало. Живой информацией занималась группа по тяжким, и один из её старших оперов – майор Белоусов, как раз трудился в кабинете квартирников, поскольку в его собственном уже велась уединённая беседа с доставленным. Глеб заглянул к себе и, увидев работающего Белоусова, снова закрыл дверь. Он не знал, кто сидит перед Виктором Николаевичем – такой же человек, каких немало доставили из района в массовом порядке, или же обладатель какой-то конфиденциальной информации. Опер остановился в замешательстве, но тут же услышал восклицание за спиной:

– Велиев! Как вовремя! Вот тебе товарищ, поработай с ним. Досконально опроси: где был, что делал, с кем и в чьём присутствии, начиная с двадцати часов вчерашнего дня! – распорядился один из старших оперов, чьего имени он не успел ещё запомнить.

С этими словами он подтолкнул вперёд мужчину в заношенном костюме, и отворил только что закрытую Глебом дверь.

– Заходи, в своём кабинете не стесняйся. А ты, Виктор Николаевич, как закончишь – к начальнику розыска зайди.

Владимиру Алексеевичу сейчас просто не хватало времени и оперов. В потоке доставляемых в отдел людей приходилось не только организовывать их отработку, но и спешно

анализировать добытую информацию, вносить коррективы в свой план оперативно-розыскных мероприятий, продумать и раздавать распоряжения розыскникам, а подчас и лично приступать к допросу наиболее важных подозреваемых. Каждая секунда была на счету, и надо было успеть решить ещё много задач, успев к вечернему докладу в областном Управлении.

Велиев завёл порученного ему мужчину и усадил на свободный стул. Он понятия не имел, что за клиент перед ним – подозреваемый в убийстве злодей, потенциальный свидетель или кто-то другой, но, решив, что раз старший товарищ обошёлся без пояснений, значит, так надо! Он неспешно достал из папки чистый листок, и принялся заполнять шапку. Пока Глеб записывал данные сидящего перед ним человека, он исподволь пытался изучить его изборождённое морщинами, неопределённого возраста лицо. Опрашиваемый оказался рабочим одного из районных центров. Он неделю уже находился в отпуске, и в Белгороде был проездом – возвращался из Воронежа, где гостил у родственников.

– У меня поезд через полчаса, а мне ещё до вокзала добираться. Успею? – спросил он, взглянув на опера глазами, полными доверия.

Велиев не счёл возможным ответить. Он начал опрос, подробно записывая показания, при этом стараясь не упускать мельчайших деталей, переспрашивая и формулируя вопросы заново. Лицо доставленного с каждой минутой мрачнело,

но Глеб не успел записать и половины того, о чём успел расспросить. Тем временем Белоусов уже отпустил своего собеседника, но к начальнику розыска, видимо, не торопился. Он всё наблюдал за ходом опроса, пока лицо рабочего не осунулось окончательно.

– Не мучай ты его, отпускай! – вдруг посоветовал он – Отпускай, и время не трать!

Услышав совет старшего опера, Велиев не заставил себя уговаривать. Теперь он, уже не вдаваясь в мельчайшие подробности, поспешил закончить с опросом, и через пять минут выдворил успокоившегося работягу за дверь.

– Может, ещё успеет, если бегом! – взглянул на часы Белоусов – А вообще-то, пустое всё это – понагнали кого ни попадя, и себе же дурной работы придали. Понятно, что вопрос не к тебе, но чего этого мужика мариновать? У него поезд вот-вот отходит, а мы бумаги набиваем!

Майор помолчал, поднялся с места, и обернулся уже у самой двери.

– Ты пока начинаешь, потому совет на будущее. Даже не про этот случай, вообще: прежде, чем человека к стенке жать, собери о нём как можно больше информации. Если есть что на него – раскручивай, а нет – лишнего на душу не бери. Мы ведь не только с преступниками, но и с нормальными людьми работаем!

В те годы редко какое убийство оставалось нераскрытым. Совершённое в тот день тоже не явилось исключением. Ко-

нечно, раскрылось оно не само по себе. Лишь ближе к ночи майор Белоусов получил довольно сырую, но хоть какую-то информацию в цвет. На ночь глядя пришлось вытаскивать народ с трёх адресов, и перед самым рассветом круг подозреваемых сузился до двух, а затем и вовсе до одного человека. Его брали утром. Никто не зависал над ним в головокружительном прыжке, не вырубал раскрученным ударом пятки и даже не давил стволом в лоб. Просто в восьмом часу в одной из квартир прозвенел звонок. Открыла женщина с глубоко запавшими и выцветшими от частых слёз глазами. В квартиру, не дожидаясь приглашения, уверенно шагнул мужчина средних лет и, поправив распахнутый пиджак, вежливо поздоровался.

– Валентин дома? – спросил он.

– Где же ему быть! – недовольно буркнула хозяйка – Вон он, на кровати валяется.

Следом за первым вошёл широкоплечий, светловолосый парень, и нежданные гости прошли в спальную. Виктор Николаевич отбросил одеяло и окинул взглядом ошарашенного парня. На плече и груди засинели купола, девушки и прочий татуированный тюремный набор.

– Милиция. – буднично произнёс майор – Вставай, Валентин, собирайся!

Через неделю Глеб уже не мыслил себя без розыска. Ему нравилась его работа. Он понимал, что неделя – небольшой срок и за неё невозможно постичь любую профессию,

тем более уголовный розыск. Он постигал, стараясь учиться у опытных коллег, хотя, разумеется, для ученичества никто отдельного времени не выделял. С первого же дня ему стали отписывать материалы, потоком идущие на их линию. И каждый раз, когда он торопился утром на работу, невозможно было угадать, чем дополнительно придётся заниматься сегодня. Всё это молодого человека никак не напрягало, но даже напротив, прибавляло интерес.

Однажды Свистильников, прогулявшись после планёрки, возвратился с уже знакомыми искринками в глазах.

– Бросаем все материалы, идём на раскрытие! – заявил он – Есть возможность раскрутить глухарь, что в прошлом месяце совершён. В Черёмушках целая серия похожих прокатилась. Тогда квартиры летели одна за другой, способ во всех случаях один – взлом замка. Работали в первой половине, брали только деньги и золото.

Перво-наперво опера заново изучили все обстоятельства преступления, не упуская даже мельчайшие подробности. Таковых было мало, и наибольший интерес представляли изъятые с места происшествия отпечатки. Из пригодных для идентификации имелось только пять. Четыре – хозяев, и лишь один принадлежал не известному лицу, дактилокарта которого в базе отсутствовала.

– Есть информация на одного наркомана. – наконец пояснил Александр Борисович – Он такой... что-то вроде полуавторитета. Во всяком случае, претендует. Так вот у него сей-

час какая-то молодуха проживает, он её тоже на ширево посадил. У этой девчонки игрушка – как будто-бы мишка плюшевый. Этот мишка в спальней на подоконнике, а в нём – золото. Среди прочего – печатка с нашей кражи, это точно! Теперь задача – внутрь войти и при изъятии человека не спалить! Я с питомником договорился уже, выделяют нам для комбинации кинолога с собачкой, так что дело за нами!

Тем же днём во двор одного из домов частного сектора постучали. Вышла миловидная девушка, и от неожиданности застыла у распахнутой двери. Напротив неё, вывалив язык из раскрытой пасти, уселась овчарка, а рядом, удерживая её на коротком поводке, переминался с ноги на ногу милиционер. Не давая девушке опомниться, Свистильников шагнул во двор. Вслед, опередив кинолога с лохматой спутницей, поспешил Велиев.

– Хозяин здесь? – бросил на ходу старший опер и, даже не выслушивая ответ догнавшей его девушки, потянул за ручку входной двери.

Хозяин, конечно же, был дома. Он вовсе не ожидал визита милиционеров, но с охватившим его изумлением справился быстро.

– Это что, обыск? Документы давай, Свистильников! – нашёлся он – А нет, так вас тут никто не ждёт!

– Обыск? – с удивлением переспросил Александр Борисович и, словно позабыв об этом слове, продолжил – В двух кварталах отсюда мужчину порезали, следы сюда привели.

Он обернулся к кинологу, и тот отпустил поводок, дав собаке большой простор. Овчарка, не совсем понимая, что от неё ожидают, ткнулась в одну, затем в другую сторону и села, уставившись на прапорщика.

– Видишь, села! – с нотками ликования воскликнул старший опер – Это она след подтверждает!

– Дура она, ваша собака! – взорвался в крике хозяин – Никого здесь нет, и не заходил никто!

Любой собачник не терпит критики в отношении своего питомца. А если этот питомец – боевой друг, то обиднее вдвойне.

– Нормальная собака ... – буркнул прапорщик и, не сумев скрыть раздражения, добавил – умнее некоторых!

Собака тут же отреагировала на недовольные нотки. Она оскалилась, глухо зарычала и шагнула к обидчику, натянув поводок до предела. Но хозяин дома в виду своей сожительницы даже не изменился в лице.

– Что, собакой травить будете? – усмехнулся он, глядя в глаза Свистильникову.

– Не обольщайся. Если что – мы и без неё с тобой справимся! Собака – она по следу пришла. Сейчас посмотрим: может, тут орудие преступления спрятано!

– Какое ещё орудие! Я что, из всех судимых один на районе проживаю?! – воскликнул мужчина – Как какой гоп-стоп – ко мне, морду кому набьют – тоже я виноват! В Белгороде больше преступать некому? Ну ищите, давайте!

Велиев заметил, как глаза девицы сверкнули негодованием и с преданностью животного остановились на сожителе. Перед ней сейчас стоял её идеал, и Робин Гуд в сравнении с ним просто отдыхал. Сам же идеал под взглядом возлюбленной заметно приободрился, и снова разразился гневной тирадой. Свистильников молча взглянул на кинолога, и едва заметно кивнул. Тот обошёл с собакой комнату и потянул её в сторону ожидавшего у входа в спальную майора. Не задерживаясь, он проследовал в неё, удерживая овчарку у ноги, и остановился у самого окна. Ещё мгновение, и все столпились за ними, обратив всё внимание на собачью морду.

– Давай-ка, Глеб, за понятами. – распорядился Александр Борисович – Возьми свидетелей пореза, что в машине остались.

Велиев вернулся через минуту, ведя за собой заранее привезённых граждан. Надеяться на то, что удастся застать соседей, не приходилось, как и гарантировать их желание присутствовать на следственном действии, поэтому опера, как водится, подстраховались. Две гражданки проскользнули тенью и встали на указанные им места. Майор громогласно объявил причину их присутствия здесь, обязанности и права, а затем приступил к поиску. Сначала он взял в руки декоративную вазу, заглянул внутрь и поставил её на место. Затем наступила очередь горшечного цветка.

– Вы что, в горшке с землёй перо надывать решили? – возмутился хозяин.

– Почему перо? С потерпевшего кольцо сорвали. Мало ли, вдруг сюда спрятали! – в задумчивости произнёс Свистильников, протыкая землю перочинным ножом. Наконец он оставил предмет своего внимания в покое и повернулся спиной к окну, словно намереваясь уходить, но, бросив мельком взгляд на просиявшего хозяина, опять развернулся. Ни слова не говоря, майор взял в руки валявшуюся на подоконнике игрушку и решительно надрезал её по шву. Он запустил руку внутрь и вскоре вытащил её, удерживая в ладони сверкающие золотом изделия.

– Чьи? – повис в воздухе вопрос, но ответа не последовало.

– Твои? – уже обращаясь непосредственно к хозяину, спросил майор.

– Почему мои? Я что, по-вашему, мишками играюсь?

Говоря это, мужчина старался не смотреть в сторону девушки, у неё же от удивления отвисла челюсть. Спohватившись, она стиснула зубы, но снова разжала их в намерении промолвить что-то, да так и застыла, не сводя глаз со своего недавнего кумира.

– Кто тебя знает, – едва улыбнулся старший опер – чем ты тут забавляешься! Только вот дом-то твой, значит, тебе и ответ держать!

– Как же, разогнался! Игрушка Светки, а садиться мне?! Я свои права знаю, чужого не повесите!

– Что, и впрямь девушку за себя в тюрьму отправишь?

А вдруг она не по-твоему скажет?

– Как надо, так и скажет! – злобно выкрикнул мужчина, зыркнув на девушку.

Он всем своим видом вполне недвусмысленно давал понять ей, чего именно от неё ждёт.

– Ладно! – закончил прения Свистильников – Я пока протокол изъятия составлю, а ты, Глеб, даму в отдел вези. Там с ней сам к работе приступай, а я вот с этим героем попозже пожалую.

«Героя» явно не устраивал такой расклад. Он скривился и зло выдавил:

– Всё равно у вас не выгорит ничего, Светка не на всю голову отмороженная, чтобы на меня показывать!

Но сейчас его уже никто не слушал. Майор дождался, когда за Велиевым и Светланой захлопнулась дверь и, словно у нашкодившего школяра, спросил:

– Может, сразу признаешься?

Хозяин едва не подпрыгнул на месте от захлестнувшей ярости.

– Хоть на куски режьте, а никакого признания не добьетесь!

– Чего ты вскинулся? – урезонил его Свистильников – Ведь прекрасно знаешь, что у нас не инквизиция, мы другими методами работаем. Как ты ни изворачивайся, а рыжьё вот оно, в руках. И это не всё. Через полчаса сожительница твоя запоёт, а затем и ещё кое-кто расклад выложит. Плюс

пальчики твои, которые по всей базе пропустим и ещё много каких действий, после которых тебе не спрыгнуть!

При этих словах оппонент майора понурил голову, запал в глазах поубавился, и он с досадой бросил:

– Горазды вы, свердловчане, на всякие финты! У вас всегда много вариантов, знаем!

Когда Велиев привёз владелицу злосчастного медвежонка в отдел, то заметил, насколько разительная перемена произошла в её лице. Оно заметно осунулось и как-то посерело. Он повёл её к кабинету, но когда они поравнялись с ограждающей дежурную часть решёткой, девушка заметно занервничала. Блуждавшая на её лице натянутая улыбка сползла, как попавшая под горячий душ картонная маска. Через минуту опер провернул массивным ключом замок и распахнул дверь, пропуская спутницу в кабинет. Глеб всегда был учтив с женщинами, и теперь перед ним стояла сложная задача – вести себя наперекор естественному желанию успокоить слабое создание. Более того – вести так, чтобы напротив, усилить её переживания, и тем ускорить документирование той информации, которая уже была известна им обоим. «Нет, не смогу я на неё жать, тут бы от сочувствия удержаться!» – решил Глеб. Он сел за стол и, стараясь выдерживать безразличный вид, указал на стул. Прежде, чем взглянуть на едва не плачущую девицу, Велиев с минуту рылся в столе, доставая бланки опросов и перекладывая бумаги. Наконец прозвучал его полный беспристрастности голос:

– Ну, начинай!

– Что начинать? – голубкой проворковала девушка.

– Рассказывать, разумеется.

– А что рассказывать? – снова пролилась нежная трель, и пушистые ресницы вздрогнули, на мгновение заслонив ангельские глаза.

– Как ты немецкие замки взламывала, и квартиры в Черёмушках чистила. Не надорвалась одна?

Светлана не замедлила с ответом, но теперь её голосок дрожал, едва не переходя в рыдания.

– Ну почему Вы решили, что это я! Что, я так похожа на взломщицу?

– В суде всякие проходят. – стараясь выдержать взятый тон, ответил опер – И взломщики, и взломщицы. В том числе такие вот, как ты.

– Ну Вы же сами всё прекрасно понимаете! – почти взмолилась опрашиваемая – Ведь знаете, что золото не моё! Ну, в смысле, не мной спрятано, а тем более украдено!

– Так откуда мне знать, если ты об этом молчишь! Вот тебе лист, ручка – вспоминай грамоту. Не забудь только расписать, кто в твоего мишку краденое затолкнул, когда и как оно вообще у этого человека оказалось!

От Свистильникова Глеб и так представлял всю картину достаточно подробно, но требовались показания сидевшей перед ним девушки, причём именно письменные, на что та, по понятным причинам, всё не решалась.

– Хорошо! – с неожиданной твёрдостью зазвучал звонкий голос – Вот сейчас я напишу, что золото действительно не моё, что я понятия не имею, как оно в игрушку попало...

Велиев не счёл нужным прятать улыбку и говорившая загнулась.

– Ну ладно, конечно знаю. Этот козёл при мне его туда зашивал. Так вот, предположим, напишу я, что всё это он вместе с донецкими с выставленных хат потянул... Что тогда? Вы же представляете, что со мной будет?

– Я представляю, что с тобой будет, если ты всё это на себя возьмёшь. Что, думаешь, женские колонии для того созданы, чтобы ты здоровье в них поправляла?

Девушка помрачнела лицом, и уткнула потерянный взгляд в пол, но вскоре на молодого человека, хлопая густыми ресничками, снова взирали всё те же голубые, ангельски чистые глазки.

– Что же мне делать! – воскликнула она и подалась вперёд всем своим стройным станом – Может, как-то получить-ся сделать, чтобы и на него не показывать, и на себя ничего не брать?

– Не получится! – поспешил с ответом опер – Вещдок изъят, так что теперь или ты, или он. По мне, так лучше он, и справедливее, конечно. Хотя решать тебе! Как говорится, каждый сам кузнец своего счастья!

Велиев смотрел на опустившую глаза девушку и с досадой думал: «До чего же всё зыбко на этом свете! Сейчас эта ца-

ревна задвинет сказочку, что нашла мишку в каком-нибудь дупле дуба, и припирать её с сожителем нечем. Никто не поверит, но и дело в суд не направит!» Он продолжил взятую паузу, стараясь не показывать за уверенным взглядом своих сомнений. Светлана молчала недолго. Она взяла ручку, и теперь Глеб увидел полные безысходности, усталые глаза.

– Ладно, я напишу, как есть.

Когда вернулся Свистильников, Глеб уже давно закончил с опросом Светланы. Её объяснение лежало на столе, и теперь шла беседа по извечным, всегда интересующим оперативников вопросам. Александр Борисович пробежался взглядом по исписанным девичьей рукой листам, и удовлетворённо хмыкнул:

– Ну вот, теперь готова к встрече со следователем. Пойдём, краса, я тебя ещё с одним парнем познакомлю. Конечно, не опер, но пообщаться не мешает!

Вскоре майор вернулся, и устало опустился на стул. Он откинулся на спинку и сцепил руки за затылком.

– Ну, вроде пошло дело. Я ведь уже час с этим типом в другом кабинете работаю. Запомни: хочешь от человека чего-то добиться – тащи в отдел. Дома и стены помогают, там любой себя как рыба в воде... Этот – не исключение. Пока, конечно, полной правды не выкладывает, но ещё не вечер! Сейчас следак со Светкой закончит – её показания предъявим. А там поглядим, что он запоёт!

– Жалко девчонку, – обронил Велиев – вдруг и правда ур-

ки ей какую пакость сотворят!

– Не сотворят! – заявил старший опер, и голос его не допускал никаких сомнений – А что колотится – поделом ей! Пусть поколотится, будет знать, каково с блатотой связываться!

– Оно конечно, – согласился Велиев – вот только...

Он помолчал, не зная, высказывать ли вообще вертевши-ся на языке слова, но всё же решился.

– Паскудно на душе – девчонку пришлось... ломать, да к краже подвязывать.

– Ну, для начала, она сама себя подвязала, – повысил голос майор – ещё когда в подруги вора подалась. А что до моральной ломки, так это наша работа. Не приходится нам выбирать – кому глазки строить, а кому нервы на кулак наматывать. Больше того – всё больше наматывать приходится, и не только зекам! Ты что, когда покрывающую маньяка старушку допрашивать будешь, раскланиваться перед ней примешься? Или цыгану взять – они на дело обязательно детвору с собой тащат, и каждая вторая баба у них беременная! Так что теперь, зелёный свет им давать, пускай крадут да обманывают?!

Свистильников остановился, понимая, что сказано и так предостаточно, и бросил короткий взгляд в сторону сконфузившегося Велиева. Тот воспользовался паузой и, желая переменить тему, заметил:

– Разочаровал девчонку её сожитель. Она его за крими-

нального героя, а он её пинками под танки!

– Всё фильмы нынешние! – отозвался майор – Понасмотрятся их девчонки, и лезут сдуру в проститутки, наркоманки или как эта вот... Это только на экранах всё это ворьё – сплошь благородные удалцы, а в жизни – редко какой стоящий попадает, большинство – как сегодняшний. Такие – что тот плюшевый мишка. Снаружи – привлекательная игрушка, а внутри гнилая начинка: барахло ворованное и прочий мусор.

Помолчав, старший опер поднялся. Отдыхать было некогда – впереди ждала работа с задержанным, повторный выезд с тщательным обыском, установление соучастников и масса рутинной работы, что сопровождает каждое действие розыска.

Александр Борисович ещё год проработал на линии квартирных краж, и ушёл на повышение. Сначала он сменил заместителя начальника уголовного розыска, затем возглавил криминальную милицию района, а через три года стал начальником всей Свердловской милиции Белгорода. Закончил свою карьеру он в должности заместителя начальника Белгородского юридического института МВД России по научной работе. Этот незаурядный человек показал себя прекрасным руководителем, трудясь на всех перечисленных должностях, и когда Велиев, много лет спустя, вспоминал свои первые шаги в уголовном розыске, то в длинной череде лиц своих коллег, первым всегда вставал он – его наставник

и один из лучших оперов, что долгие годы защищали от криминала жителей Белгорода.

Простое дежурство

Женщина кричала навзрыд, прикрыв пухлые щёчки ладошками:

– Моя шубка! Моя шубка!

«Убивается, словно о потерянном младенце!» – подумал Велиев. Он закончил изучать прилегающее к дому открытое пространство и, не обнаружив никаких улик, подошёл к потерпевшей. Но когда опер взглянул на её заплаканное лицо, то пожалел о своём высокомерии. «Что это я, огрубел, что ли? – пронеслась мысль – Или профессиональные издержки?!» Он протянул было руку, но тут же одёрнул её.

– Женщина! – позвал он – Женщина! Успокойтесь, пожалуйста.

На опера взглянули покрасневшие от слёз глаза. Рыдания перешли в всхлипывания, и Глеб решил закрепить свои утешения.

– Знаете, на самом деле Вам с мужем повезло – произнёс он бодрым тоном – Хорошо, что вы в отъезде были, ведь могли вас и в квартире застать! Сейчас времена такие, что долго не раздумывают – и убить могут!

Он хотел добавить что-то ещё, но дама снова закрыла лицо и зарыдала. «Не получилось! – констатировал Глеб – Ну да Бог с ней. В конце концов, я здесь не для того, чтобы успокаивать!» Наконец подвезли эксперта-криминалиста, и опе-

ративно-следственная группа оживилась: теперь можно было подниматься наверх!

Набирал обороты белый день, и безоблачное сентябрьское лето обещало хорошую погоду. С утра Велиев заступил в оперативную группу, и первый же выезд случился как раз по его линии. Кража была банальной, если не считать оригинальности способа выноса похищенного. Точнее выражаясь, его не вынесли, а выбросили. Выбросили с балкона во двор две норковые шапки, четыре дублёнки и соболью шубу, о которой так сокрушалась хозяйка. Само собой, носильными вещами не ограничились. Унесли все золотые изделия, что в немалом количестве хранились в серванте, внушительной суммы наличность, музыкальную и видео аппаратуру. Одежда тоже на земле валялась недолго. Глеб установил проживающего на четвёртом этаже мужчину, наблюдавшего незабываемый полёт шубы, он видел даже двух мужчин, их вскоре подобравших, но абсолютно никаких примет опрашиваемый назвать не мог. Лиц этих людей он попросту не видел, а что до других особенностей, то их описание ограничивалось стандартным набором фраз: «средний рост», «похоже, что серая одежда», «не помню», «не заметил». Опер ещё раз окинул свечой устремившуюся в высь многоэтажку, и последовал за коллегами. На шестом этаже их встретил хозяин квартиры и, всё ещё находясь в возбуждении, бросился в сторону приоткрытой двери. Его тут же остановили и вперёд, со своим неразлучным чемоданом в руках, выдвинул-

ся эксперт. Он неспешно обработал двери, осмотрел замок и скрылся внутри квартиры.

– Можно? – спросил следователь, заглядывая спустя некоторое время в комнаты.

– Заходите. – раздалось в ответ – Коридор с кухней я уже обработал, остальные – нет.

Глеб сел за кухонный столик рядом с заполняющим протокол осмотра следователем, и достал из папки чистый лист. Прошло несколько лет с того времени, когда он впервые перешагнул порог РОВД, но и сейчас вдруг вспомнились слова наставника: «Это только в фильмах опера, как умалишённые, пистолетами размахивают! – говорил Александр Борисович – Хороший опер ствол без причины не высветит, а вот папка с бумагами при нём всегда!» В памяти всплыла сви-стильниковская улыбка и его ироничное: «Ручка – главное оружие опера!»

– Подходите ближе. – позвал Глеб хозяина – Сейчас заявление продиктую, а затем все подробности в объяснении запишем.

«Хорошо, что участкового прислали, а то бы вдобавок ко всему, ещё и понятых искать пришлось, и поквартирный обход одному делать!» – подумал опер, и произнёс:

– Пишите в правом верхнем углу: начальнику Свердловского РОВД...

Они справились за сорок минут. И вовремя, потому что, не возвращаясь в отдел, пришлось ехать на следующий вы-

зов – теперь уже на мошенничество.

Напротив музыкального училища ждали двое: женщина средних лет в застиранной, непонятного цвета кофте и серой юбке, и девочка-подросток с мокрыми от слёз глазами.

– Цыганки деньги отобрали, ещё колечко с камушком – от покойного отца подарок. – с жаром начала женщина – Увидели, что ребёнок один, и набросились всей стаей! Кричат – на матери порча, вот-вот заболит и умрёт! Дочь испугалась, а им только это и надо. Давай деньги с колечком, говорят. Мы на них погадаем и порчу снимем! В общем, пока одна ахинею несла, кольцо в руке зажав, вторая между ней и дочерью заскочила, а третья у первой деньги с колечком и перехватила! Дитё всё равно это заметила. Деньги с колечком отдайте, говорит, а та сволочь её ладонями пустыми в лицо тычет и с усмешкой такой отвечает, мол, пропало добро, испарилось. Всё на лечение твоей матери ушло! Лекари нашлись! Чтоб у них руки с языками поотсыхали!

Общая картина была ясна. Цыганки, не утруждаясь разнообразием, действовали по давно отработанной старинной схеме: приставали ко всем подряд, а тех, кто отбивался не очень активно, с ходу грузили всякими ужасами о родне или о них самих, что непременно ожидают, если срочно не снять глаз с порчей. Дальше, используя понятное замешательство жертвы, требовали бумагу, а именно денежные купюры. Если перед ними оказывалась женщина или девушка, то заставляли снять золотые украшения, убеждая, что без

них процесс снятия порчи безуспешен. Набрасывались всей стаей и, не давая опомниться, проворачивали нехитрое действо в полминуты. Впрочем, для такой клоунады вполне достаточно и двух кривляк. Одна, выкрикивая в лицо примитивный, на уровне детских считалок бред, усиленно размахивает руками с зажатыми в ладони ценностями. Вторая активно отвлекает внимание жертвы, а в удобную минуту перехватывает ещё недавнюю её собственность. Затем первая дожидается, когда сообщница отбежит на достаточное расстояние, демонстративно дует на сжатый кулак и разжимает его, обнажая пустую ладонь. Незамедлительно следует радостное сообщение, что сама жертва или её родственник, стараниями цыганки от всех невзгод избавлены, а деньги с ценностями чудесным образом испарились. Сказка для полных идиотов, хотя находятся и такие. Вообще преступницы рассчитывают на три беспроигрышных варианта. Первый – уже описанный, когда жертва, в силу своего слабоумия, никаких претензий не имеет и уходит, довольная счастливым случаем, избавившим её от невзгод. Второй – когда обманутый понимает, в каком положении оказался, но, не желая казаться в глазах других лохом, торопится удалиться прочь, и забыть о неприятном инциденте. Третьи пытаются вернуть своё, но их жалкие попытки бесперспективны по определению – зачатки скандала или робкие действия по удержанию наглцов, с лихвой пресекаются всей цыганской стаей, и одинокая, на чём свет стоит обруганная, а то и избитая жертва

покидает место происшествия, понеся ещё большие моральные и материальные потери. Некоторые ищут правды в правоохранительных органах, но находят её только в отдельных и весьма редких случаях. Тогда потерпевшему возвращается похищенное у него имущество, но о привлечении к ответственности самих цыганок никто серьёзной речи и не ведёт. Во всяком случае, о таком Велиеву слышать не случилось. В чём тут причина – он не знал, так как самому заниматься цыганами вплотную не приходилось. Может быть, из-за отсутствия очевидцев со стороны потерпевших и полным набором потенциальных лжесвидетельниц со стороны самих цыганок, может быть, из-за их повальной неприкосновенности, существенно осложнявших любое действие милиционеров. Выхватывать кого-либо из нашкодивших цыган приходилось с боем, создавая численное преимущество над его многими сородичами, и в этом случае воздерживаясь от решительных действий, трактуемых как геноцид против беззащитного народа. Самому Велиеву выхватывать цыган не случилось, но по рассказам оперов, обслуживающих линию наркотиков, это довольно трудоёмкое и неблагодарное дело. «Беззащитный» народец и в отношении милиции вёл себя далеко не ангельски. Сразу же науськивались бабы и детвора. Первые с руганью, скоро переходящей в маты, наускаивали, стремясь располосовать ногтями лицо. Вторые бросались в ноги, галдя примерно те же выражения, что и взрослые. А за всей этой лёгкой, но многочисленной «конницей»,

сжимались в круг плотные ряды мужиков, и в подобной сутолоке только и приходилось гадать, с какой стороны воткнётся заточка, «розочка» или нож. Но белгородские опера шли и на такие издержки. Редко, но заявляли о себе, стараясь не обращать внимания на сыпавшиеся оскорбления и угрозы. Получив сведения о зарвавшейся в торговле наркотой цыганской семье, они, несмотря ни на что, реализовывали их, в конечном итоге изымая маковую соломку или иную, приготовленную для продажи дурь. Тогда же выхватывали самих барыг и работали с ними, доводя эту сволочь до тюрьмы, но всё изложенное проделывалось, когда речь шла о наркотиках. Заранее проводились комбинации, отслеживались преступные схемы и отрабатывались возможные свидетели. В подобных же случаях, при запоздалом приезде группы, обнаружить самих мошенниц было проблематично, не говоря уже об изъятии похищенного и сбора свидетельских показаний. Однако Велиев предпринял попытку. Вместе с девочкой он обошёл, насколько позволяло время, прилегающие окрестности, но цыганок как ветром сдуло. Приходилось возвращаться к машине. Участковый и следователь уже ждали в ней в готовности ехать.

– Там вора в отдел доставили. – сообщил водитель – Говорят, опер нужен.

Пришлось потесниться, предоставив достаточное место женщине с дочерью, но поместились все. Ведь, как известно, милицейские узики – машины безразмерные, что неод-

нократно подтверждалось практикой. «Сейчас возьму от матери заявление, обеих опрошу, может быть, пару фотороботов даже удастся составить. Вот и всё, что в силах успеть дежурный опер! – думал Глеб, глядя в запыленное стекло – Завтра собранный материал передадут кому-то из зональников и, скорее всего, в итоге на подпись предстанет отказной. Скорее всего, сразу отпишут спецу по отказным, тут и гадать не стоит!»

К описываемому времени в Белгороде, как и во всей стране, резко осложнилась криминальная обстановка. Пришлось удваивать штаты и в группу на суточное дежурство заступало сразу по два оперативника, равно как и представителей других служб. Без дела никому сидеть не приходилось. Демократия, пришедшая на смену социализму, принесла массу возможностей и свобод, многими воспринятые как вседозволенность и безнаказанность. Армия преступности росла, как грибы после дождя. Активизировались мошенники, расплодилось ворьё, возросло количество грабежей и разбоев. И конечно, убийств. Теперь они перестали быть редкостью, и старожилы розыска отмечали, что их стало едва ли не больше, чем в советское время квартирных краж, которые по тем временам тоже к рядовым событиям не относились. И на этом фоне предстояло выполнить формальные действия по документированию довольно распространённого случая – какого-то мошенничества со стороны цыган. «Ну почему у нас в государстве так потакают этой цыганве? – по-

думал Глеб – Отчего им легко спускают то, что ни в коем случае не простили бы тем же русским или любому другому россиянину?»

Опер из-за плеча восседающего впереди эксперта увидел, как за перекрёстком показался угол родного отдела, и вот уже машина, свернув в дворик, остановилась. Потерпевшие выбрались наружу, и Велиев проводил их к своему кабинету. Бывший наставник давно уже начальствовал в соседнем, но взамен с Велиевым стали работать ещё двое. Первый – недавно переведённый из патрульно-постовой службы лейтенант. Несмотря на своё звание, Александр Михайлович был мужчиной в возрасте, долгое время прослуживший постовым, и офицерское звание ему, судя по всему, присвоили недавно. Послевоенный Белгород сплошь, за исключением нескольких сотен человек, состоял из деревенских переселенцев, и характерный говор звучит на его улицах до сих пор. Что касалось Маркова, то в его речи этот говор прослеживался весьма отчётливо. Вместе с тем, при первой же встрече, Глебу бросилась в глаза смекалистость этого человека. К тому же, несмотря на свой уже не юный возраст, Марков сохранил живой интерес и прекрасную память. Все эти качества, благодаря долгой службе в патруле, дополнялись знанием половины забулдыг, бакланов и прочих люмпенов Белгорода, и в розыске не без основания предположили, что в лейтенантах Александр Михайлович задержится недолго. Марков заступил вторым номером в оперативную группу, и сей-

час был на выезде – в Старом городе два пока не установленных негодяя совершили порез – ранили мужчину, отобрав наручные часы и деньги. Но кабинет не пустовал. За своим столом, что у самого окна, восседал ещё один сослуживец Глеба – Мирошников Андрей. Андрей был молод, во всяком случае, немногим старше Валиева. Будучи довольно широким в плечах и несколько грузноватым, он, тем не менее, был весьма лёгок в движении. Сейчас он, перебирая стопки отписанных к исполнению материалов, о чём-то задумался, подперев массивный подбородок не менее внушительным кулаком. «Хорошо, что один!» – отметил Глеб и пропустил вперёд потерпевших. Валиев усадил их перед столом и сел сам. Отбор заявления и письменный опрос не заняли много времени – опер спешил поднять из комнаты задержанных доставленного с кражи вора. Закончив, он отпустил пострадавших, но прежде чем отнести собранный материал в дежурную часть, решил взглянуть на те, что уже находились в производстве. По двум из шести уже подходили сроки, материалы были вполне наработанными, и наступала пора для передачи их в следствие. «Где же ключ от сейфа?» – с досадой размышлял Глеб, не обнаруживая его в карманах. Он искал в папке и в ящиках стола, но там его тоже не было.

– Что, ключ потерял? – пробасил Андрей, молча следивший за действиями Валиева.

– Да вот не найду что-то. Куда он запропастился? – в недоумении ответил Глеб.

– Не тот, что в сейфе торчит?

Валиев бросился к сейфу и с облегчением выдохнул – в замочной скважине действительно красовался ключ. Он так и остался в ней, когда опер, достав из сейфа пистолет, торопился на утренний вызов.

– Я недавно с одним человеком беседовал. – снова загрохотал бас – Такой... с той стороны баррикад. Тут меня шеф вызывает на минутку. Я огляделся – на столах ничего лишнего, можно клиента оставить, чтобы в коридоре лишний раз не светить. Возвращаюсь, а этот бандюк ухмыляется. Что, говорит, Андрей Александрович, проверочку устроил? Какую такую, говорю, проверочку? Известно какую, отвечает: такую замануху – ключ в сейфе оставил! Я бы к нему, а оттуда какой-нибудь краской в морду! Плюс пальчики с двери... Я, понятное дело, не стал его разочаровывать...

Мирошников замолчал. Он не склонен был к долгим нотациям, да продолжать и не требовалось. Глеб и так всё понял. Он представил, какие последствия наступили бы, взгляни тот человек хоть одним глазком на содержимое стального ящика. А ведь там, помимо банальных проверочных документов, хранились совершенно секретные дела! Под угрозой оказались не только успех оперативных разработок, но и благополучие, да что там благополучие – жизнь людей! Велиеву нечего было сказать. Он нервным движением вытащил ключ, порывисто сел за стол и забарабанил пальцами по крышке. Теперь он забыл о материалах, сроках и томящемся внизу

клиенте. «Сам чуть не сгорел, и Андрея подставил! – с досадой думал опер – Случись что – и он втянутым оказался бы!» Валиев даже в мыслях не допускал, что его товарищ способен доложить о вопиющем нарушении начальству или, хотя бы, следуя известному герою фильма, спрятать ключ и, насладившись переживаниями сослуживца, зачитывать ему полный курс лекций. Нет, ничего этого не ждал Глеб от Мирошникова, но его уважение к этому человеку не уменьшилось. Повисшее молчание затянулось и Велиев, не зная, как выразить переполнявшую его гамму чувств, невольно участил дробь. В стаканчике письменного прибора отозвались ручки, и пальцы замерли.

– Ладно, однажды со всеми... почти со всеми бывает. – совершенно иным, уже не укоризненным тоном, сказал Андрей, и поспешил перевести тему – Что, снова цыганча обозначилась?

Велиев хотел заметить, что она не то что обозначилась, но никогда и не прекращала свои занятия, но ведь не Мирошникова в этом убеждать! Андрей, несомненно, был куда более опытным розыскником. Демобилизовавшись, он начал с младших оперов. При закреплении оружия, ему единственному достался чудом не списанный револьвер. Когда все таскали штатные пээмы, он шеголял с раритетом гражданской войны, и очень был недоволен, когда при вступлении в офицерскую должность был вынужден с ним расстаться. Всегда забавно было наблюдать, как Мирошников рабо-

тает с людьми. Однажды он опрашивал доставленную с полупритона девицу. Будучи ещё достаточно юной, и не успешей ещё опуститься до состояния своих новых друзей, она, тем не менее, никаким преимуществом в интеллекте перед ними не обладала, и с первой минуты буквально поела глазами своего собеседника. Девушка была важна в качестве тех немногих свидетелей, показания которых подтянули бы пустившихся во все тяжкие знакомцев к совершённой им краже. Андрей, записав услышанное, поднял голову и, едва улыбнувшись, задал следующий вопрос. Каждый раз при взгляде карих смешливых глаз, девица теряла голову ещё больше, и её улыбка, глупее прежней, растягивалась не то что до ушей – до самой крашеной макушки! Закончив, старший опер не удержался и, не скрывая улыбки, поднял указательный палец, согнув его так, как обыкновенно сгибают, веселя младенца.

– Агу! – прогудел бас, и рыжая захохотала так звонко, что за дверью утих гомон ожидавших в коридоре людей.

Совсем иначе выглядела беседа со злодеями. Андрей никогда не разбрасывался словами, зато отлично держал паузы. Взяв такую, он, нависая горой, ожидал, когда собеседник проникнется важностью услышанной фразы. Когда клиент доходил до полной кондиции, грохотал густой бас, и преступник, осмыслив вопрос, как-то не решался расстраивать этого здоровяка втиранием заведомой лжи. Глеб никогда не видел, чтобы его товарищ применял силу. Он никогда

не угрожал её применением, равно как и не озвучивал другие угрозы, но сама интонация его трубного голоса и мощная фигура располагали к откровенности настолько, что мало кто из преступивших закон собеседников не распахивал перед ним душу.

– Завтра эта девочка и её мамашка остынут, и уже ничего хотеть не будут – прокомментировал услышанное Андрей – А если зональник их с собой для опознания к какому-нибудь табору прихватит, то после радушной встречи с этими уродами, они и вовсе милицию стороной обходить будут!

Старший опер помолчал, но размышляя о предмете разговора, продолжил:

– Конечно, давно пора этих цыган к ногтю прижать, но куда сами люди глядят? Ладно это дитё, но когда мужики со здоровенными бабами... Не понимаю! Неужели не видят, что эта зачуханная цыганка сама двух слов толком не свяжет, что при всей её наглости тупее морды не сыскать – всё равно рты разевают! Как же, экстрасенсы подвалили!

– Чего ты хочешь? – вступился за них Глеб – Есть люди, которым телевизор всё заменяет. Они в него лупятся сутками и верят, как немцы Гитлеру! А в нём что? Те же цыганки в исполнении русских красавиц, у которых на лбу два высших образования! Мало того, что они держатся, как графини, они ещё все сплошь провидицы и ворожеи! Мужиков их тоже не обделяют, посмотреть на актёров – все эдакие бесшабашные удалыцы, бессеребренники, непонятые цивилизо-

ванными идиотами озорники! И все такие гонимые, обиженные и беспомощные... Аж слеза пробивает! Встречает такой зритель пёстрое пугало на пути – не то что при гадании – так деньгами осыплет! Родичу своему загибающемуся копейки пожалеет, зато цыганку озолотить – святое дело! И смотря на их «шалости» с таким снисхождением, будто не цыгане по всей России в наркоторговле завязаны, не на их совести кражи, обман и прочая мерзость!

Велиев вышел и, уже шагая по коридору, решил: «Пока я в группе и материал мой, при первом же окне к нему вернуться. Выпрошу дежурку и проеду по Центру ещё раз. Всех цыганок, что попадутся – в клетку, и пусть в ней утра дожидаются! А там, после смены, на часок-другой задержусь, глядишь – девочка негласно и опознает кого!» Он спустился на первый этаж за материалом по попытке кражи, но Николай Александрович, дежурный по отделу, сообщил:

– Ничего нет, всё у второго следователя. Он после осмотра на грабёж выехал, сейчас с группой обратно ждём.

Затрезвонил телефонный звонок, майор тут же отвлёкся и склонился над журналом, принимая очередной вызов.

– Выезжать? – спросил опер, когда дежурный положил трубку.

– Семейный. Участковый разберётся! – махнул рукой тот, и возвратился к записи в журнале.

Глеб не стал мешать. Брать наверх подозреваемого, не располагая элементарными сведениями о совершённом

преступлении, было бы опрометчиво, и он решил подождать вторую группу во дворе.

Сентябрьское небо, ещё час назад радующее своей чистотой, сейчас заволокло синеющей дымкой. Подул свежий ветер и заморосил дождь. Его редкие капли, достигая земли, падали в городскую пыль и исчезали в ней, не оставляя следов.

Во двор, натужно гудя двигателем, въехала дежурка. Передняя дверь открылась, и показался чемодан эксперта, но едва следом протиснулась мешковатая фигура его обладателя, из задней двери выскочил второй – опер, сосед по кабинету Марков. Александр Михайлович подскочил к тыльной стороне автомобиля и вывел из «зечки» двоих мужчин. Их обличье, и прежде всего то, что принято называть лицами, было изрядно помято, включая грязную, совсем не опрятного вида одежду.

– Эти что ли разбойники? – поинтересовался Велиев.

– Они! – коротко ответил Марков и заспешил, конвоируя задержанных в отдел.

За всё своё, пока ещё недолгое время работы в розыске, Александр Михайлович всегда спешил. Его неуёмная натура искала выход и с избытком находила применение в нелёгком оперском труде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.